

Лешек Колаковский

Посреди движущихся руин*

Эйфория, чем бы она ни была вызвана, всегда непродолжительна. «Посткоммунистическая» эйфория прошла, уступив место предчувствиям надвигающейся угрозы. Смерть чудовища сама по себе чудовищна. Станем ли мы свидетелями рождения нового монстра, или увидим, как различные части старого вступили между собой в кровавую схватку? Сколько новых стран родится из хаоса, и какими они будут — демократическими или диктаторскими, национал-фашистскими или клерикальными, цивилизованными или варварскими? Наводнят ли Европу миллионы беженцев, спасающихся от голода и войны? Каждый день газеты публикуют прогнозы, один мрачнее другого, и авторы их — люди знающие. Единственное, что мы можем сказать с уверенностью: все зыбко сегодня, и все возможно.

Предсказываемое непредсказуемое

Когда мы утверждаем, что ничего нельзя сказать сегодня наверняка, речь идет о скромном человеческом знании (о «моральной достоверности», как сказал бы Декарт), а не о совершенной достоверности, которая находится за пределами человеческого разумения. Ученые теперь говорят нам, что в ходе естественных процессов какие-то незначительные события зачастую провоцируют масштабные катастрофические сдвиги, ведущие к «непредсказуемым» результатам. Чтобы их предвидеть, надо обладать не просто более глубоким знанием о начальных условиях, но фактически абсолютным знанием, доступным, вероятно, лишь для божественного разума.

То же самое можно сказать и об исторических процессах. «Законы истории», «историческая неизбежность» — все это просто гегельянско-марксистские обманки. Не было никакой исторической необходимости в том, чтобы относительно слабая пехота афинян победила мощную армию персов у Марафона. Если бы греки тогда потерпели поражение (любой внешний наблюдатель предсказал бы, на уровне рациональных суждений, именно такой исход), европейская история была бы совсем иной. Никакие законы истории не могли бы помешать убийству Мохаммеда еще до его бегства из Мекки; или заставить Мартина Лютера, безвестного провинциального монаха, начать дискуссию о том, кто вправе отпускать грехи.

* Kolakowski L. Amidst moving ruins. - «Daedalus», Cambridge, spring 1992.

И не было никакой неизбежности в победе большевистской революции, которая стала возможной благодаря стечению действительно непредсказуемых обстоятельств; или в том, что Красная армия в 1920 г. потерпела поражение от поляков и не смогла пойти в поход на Европу; или в установлении в Германии диктатуры Гитлера. Все эти знаменательные исторические события происходили по воле случая или, если угодно, в результате чудесного вмешательства Провидения.

Задним числом можно показать, что эти чудеса были подготовлены ходом предшествовавших событий. Сделать это несложно. И можно утверждать, что ни одно из них не было чудесным в такой степени, чтобы оно могло случиться в любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах. Обстоятельства, однако, делают их только возможными, но никоим образом не обязательными. Мы часто усматриваем разного рода «тенденции», ведущие, на наш взгляд, к катастрофе, то есть к резкому повороту, иногда разрушительному, иногда позитивному. Но мы обычно не в состоянии (кроме редких случаев, когда речь идет об очень коротких отрезках времени) предсказать характер, темп или срок наступления перелома. Конечно, в повседневной деятельности мы делаем предсказания, сознательно или нет. И в большинстве случаев они нас не подводят. Мы полагаем, что завтрашний день будет похож на сегодняшний, и это помогает нам вполне надежно и безопасно продвигаться по жизни. Чаще всего завтрашний день действительно выглядит таким же, как и сегодняшний: встает солнце, и если на дворе лето, то снега нет.

Многие предсказывали падение Советской империи, и оказались правы. Означает ли это, что они были наделены большей мудростью или большим пророческим даром, чем те, кто считал, что ей не будет конца? Автор настоящих заметок сам неоднократно предсказывал конец империи, в общем виде, никогда не касаясь сроков или темпа, которым пойдут перемены. Поэтому, когда он ставит такой вопрос, его вряд ли можно упрекнуть в стремлении себя оправдать. Скорее уж стоит заподозрить его в желании причислить себя к пророкам. Как бы то ни было, предсказания были. Но что тогда служило для них основанием? Бессмысленно говорить, что все империи рано или поздно ждало разрушение: многие из них столетиями жили в добром здравии. Конечно, можно было заметить (и многие замечали) целый ряд неразрешимых проблем, ослаблявших и разъедавших изнутри многонациональную советскую тиранию: вопиющую неэффективность экономики; непреходящую нищету населения; националистические настроения; кризис легитимности власти, возникший вследствие того, что официальная идеология окончательно утратила свою привлекательность; углуб-

ление технологической пропасти между регионами «реального социализма» и демократическими странами; различные симптомы культурного и религиозного возрождения.

Тем не менее, все эти очевидные тенденции и факты, взятые вместе или по отдельности, не могли служить основанием для предсказаний, касающихся обозримого будущего. Когда процесс разрушения налицо, можно ожидать, что рано или поздно наступит смерть, но нельзя знать, какие еще резервы обнаружатся в агонизирующем теле, прежде чем оно превратится в труп. Как говорит древняя поговорка, всякий старик может протянуть еще год. Люди жили в нищете десятилетиями; почему бы им не пожить так еще? Националистические настроения были всегда; но и русификация шла полным ходом. Коммунистическая идеология дышит на ладан; но разве нельзя удерживать деспотию без идеологии? Техническое отставание нарастает; но это не отражается на оснащенности армии и полиции. Существует диссидентское движение; но в нем всего несколько десятков человек и оно почти разрушено постоянными преследованиями. Таким образом рассуждали многие люди. Развитие событий оставило их в дураках. Почему «мы» были правы, а «они» — нет? Потому что они делали ставку на самое надежное из всех предсказаний: завтра будет так же, как и сегодня. «Мы» же играли более рискованно и победили. Почему?

Краткая история коммунизма

После смерти Сталина тоталитаризм сохранил *волю* к власти, но его эффективность в деле порабощения народов с тех пор неуклонно ослабевала. Тирания, неожиданно устыдившаяся массового террора и пытающаяся заменить его террором выборочным, — такая тирания обречена. Уже невозможен был сплошной геноцид, как во времена Иосифа Виссарионовича, когда от него не были защищены даже самые привилегированные эшелоны власти имущих. Безопасность правителей позволила несколько ослабить и угнетение подданных, — при условии, что они согласятся быть покорными, пассивными, невежественными и не станут бунтовать. В дополнение к определенной физической защищенности были также созданы минимальные гарантии защищенности моральной.

Это можно показать на небольшом примере. Когда я был в Москве в октябре 1990 г., один русский друг привлек мое внимание к факту, значение которого от меня до тех пор ускользало. Известно, что во времена Хрущева в городах было развернуто массовое жилищное строительство. Многие семьи получили тогда отдельные квартиры. Как бы убоги они ни были, они давали людям

место для частной жизни, угол, в котором можно было свободно вздохнуть. Как объяснил мой русский друг, без этих тесных, но отдельных квартир никакого оппозиционного движения не могло возникнуть. Со стороны Хрущева это была вопиющая глупость! Прежде люди жили как сельди в бочке, в рабочих общежитиях или в коммунальных квартирах, ненавидели друг друга, шпионили друг за другом, постоянно толкались, ссорились, но они не думали ни о чем, кроме выживания. Улучшение жилищных условий было чревато политическими опасностями. Люди вовсе не стали от этого более умиротворенными и покорными (как предсказывали некоторые советологи): появилось пространство, где они могли мыслить критически. В конечном счете это привело к восстанию. Незначительное ослабление гнета делает сам гнет более ощутимым и высвобождает энергию бунта. В истории тому много примеров, и они широко известны, но не экспертам, строившим прогнозы по этому поводу.

Самые деятельные и бесстрашные советские бунтовщики 1960-х гг. были отправлены в концентрационные лагеря и психиатрические клиники или принуждены эмигрировать. Некоторые были убиты. Многие эксперты вздохнули с облегчением: мы же говорили — кучка сумасшедших, завтра будет то же, что и сегодня. Но случилось иначе. Советская интеллигенция уже не расставалась со своим завоеванием (или не восполняла потери): марксистско-ленинская идеология была отныне выставлена на всеобщее посмешище во всей своей пустоте.

Восстания и бунты периодически поднимались и на периферии империи. И вновь многие эксперты лишь пожимали плечами: никаких перспектив. Знаете ли вы, сколько танков в советской армии и сколько — у Венгрии и Польши? А численность войск, а самолеты? Вы представляете, на сколько дней хватит запасов топлива в Польше? Эксперты регулярно читали газеты и были знакомы с публиковавшимися время от времени оценками советского военного блока специалистами ЦРУ. В самом деле, принимая во внимание отсутствие топлива, танков и самолетов, был ли какой-то смысл в восстаниях? Молчите, несчастные поляки, чехи, венгры; Ялтинские соглашения до сих пор действуют; никто не придет к вам на помощь; железный занавес опущен навеки; завтра будет то же, что и сегодня; молчите, и вам будет легче жить; попробуйте поднять бунт, и вы будете раздавлены. Так говорили эксперты.

Надо отметить, что восстания, когда они случались и получали идеологическую окраску, были по видимости социалистическими. Кроме нескольких индивидов, считавшихся эксцентриками, кому до конца 1980-х гг. могло прийти в голову требовать реприватизации промышленности? И поляки в 1956 г., и чехи в 1968 г. боролись за

улучшенный, экономически эффективный социализм, терпимый в вопросах культуры, не лживый и не репрессивный. Поводом для венгерской революции 1956 г. послужило перезахоронение Ласло Райка. Райк был сталинским палачом, которого замучили до смерти другие сталинские палачи. Последняя фаза польского оппозиционного движения началась в конце 1975 г. как протест против поправок к конституции, целью которых было законодательное закрепление участия Польши в советском блоке и диктатуры партии. На первый взгляд, бунтовщики защищали неприкосновенность сталинской конституции 1952 г.

Но Советы знали, о чем идет речь: их было не обмануть. И они были правы. Они понимали, что «социализм с человеческим лицом» — это практически уже не социализм, по крайней мере не тот социализм, который они имели в виду: строй, основанный на партийной диктатуре, отсутствии гражданских свобод и полной национализации всего и вся, включая сознание людей, историческое знание, средства информации и коммуникации, человеческие взаимоотношения. Недавние события полностью подтвердили их правоту: попытка создать в Советском Союзе «коммунизм с человеческим лицом» привела к полной потере и коммунизма, и лица. Может ли быть крокодил с человеческим лицом? — спрашивали советские скептики после трагических событий в Чехословакии.

Даже если мы допустим, что размеренный ход жизни сплошь и рядом нарушается непредвиденными событиями (сломался холодильник, неожиданно умер друг от сердечного приступа; в далекой стране, о которой мы почти ничего не знаем, началась гражданская война), все равно принцип «завтра все будет почти так же, как и сегодня» останется не только самым простым и надежным, но и наиболее рациональным средством организации жизни. Мы бы просто не смогли выжить, если бы в глубине души не были в этом уверены. Прожив много лет в мире, мы допускаем, что вдруг может начаться война, но по-настоящему в это не верим. Советская сверхдержава была опасным животным, но поведение ее было известно и страны Запада в общем знали, чего от нее можно ждать. И все-таки неожиданности случались, например советское вторжение в Афганистан. Для всякого, кто был знаком с историей советской империи (исключая, быть может, президента Картера), в этом событии не было ничего, что выходило бы за рамки стереотипов советской политики. Мир был полон опасностей, но едва машина разладилась, мы ощутили, что угроза возросла, хотя на первый взгляд все выглядело иначе, в особенности когда распалась империя. До тех пор мы испытывали некоторую уверенность, но тут мы ее потеряли; привычные реакции перестали срабатывать в незнакомых обстоятельствах; картина затуманилась, стала неясной, и вместо того чтобы испытывать

радость, мы стали строить мрачные прогнозы, и каждый из них по- своему вероятен. И пока не сложится хрупкая, но целостная новая картина, в наших суждениях будет больше паники, чем здравомыслия.

Было множество сил, приблизивших кончину империи. Одной из них, пусть довольно скромной, были люди, которые предрекали ее распад. Те же, кто предсказывал ей вечную жизнь, способствовали — хотели они того или нет — ее выживанию. Известно, что в вопросах экономики и политики предсказания — вещь отнюдь не безобидная. Мы не метеорологи, и когда мы говорим о нашем объекте, мы на него воздействуем. Все, кто утверждал, что в ближайшем будущем империю ждет печальный конец, желали, чтобы это произошло. Сложнее обстояло дело с теми, кто верил в ее устойчивость. Среди них были те, кому было с ней по пути; были люди, принимавшие сложившийся мировой порядок и с радостью (хотя, конечно, научно) выискивавшие в нем симптомы грядущей «конвергенции»; наконец, те, кто относился к коммунистической системе враждебно, но считал, что она так сильна, что ничто, кроме мировой войны, не способно ее уничтожить.

Можно сказать, что пророки долгой жизни империи ошиблись более, чем пророки ее скорой кончины проявили проницательности. Последним не удалось связать в одном уравнении все разнородные факторы, которые расшатывали прочный с виду картонный домик коммунизма, и вывести из него точную дату его падения. Вряд ли их стоит за это винить. Первые же просто отказывались видеть вполне очевидные вещи. За эту добровольную слепоту они заслуживают упрека.

Что сделал Михаил Сергеевич?

Катастрофа имела множество самых разнообразных причин, как внутренних, так и внешних, и бессмысленно искать среди них «главный фактор». Это относится к любым историческим катаклизмам.

К числу этих многих факторов принадлежит и личный вклад Михаила Горбачева. Его мы не можем обойти молчанием, хотя очевидно, что, с одной стороны, он влиял на события, а с другой — сам испытывал их влияние. К власти он пришел вовсе не для того, чтобы демонтировать империю и коммунистические институты. Он постоянно — вплоть до момента, когда он отдал приказ о роспуске коммунистической партии, — заявлял о своей приверженности коммунизму. Что это означало, не мог сказать никто, в том числе и он сам, но по-видимому это была не просто попытка успокоить «кон-

серваторов», «реакционеров», «сталинских соколов» и прочих сторонников «твердой линии», ибо, как ни были расплывчаты его формулировки, он безусловно что-то имел в виду. Конечно, многие считали его хитрым советским стратегом, стремившимся обмануть Запад, усыпить его бдительность, чтобы в нужный момент схватить его еще крепче за горло. Другие видели в нем смелого реформатора, искренне желавшего вывести свою страну на путь цивилизации, порядочности и правопорядка. Со временем стало совершенно понятно, что у него нет ясного (и даже неясного) плана, что «перестройка» была (в отличие от «гласности») пустым словом, и что, не будучи готов ко многим событиям, он реагировал на них недостаточно взвешенно. И все же, вновь и вновь настаивая на необходимости фундаментальных (хотя и не очень понятно — каких) перемен, он обнажил тот факт, что империи недостает уверенности в себе. А когда всем становится ясно, что правители империи сомневаются в ее легитимности, можно с уверенностью сказать, что конец ее не за горами. Будучи человеком неглупым, Горбачев знал, что своими призывами он открывает дорогу силам, действия которых могут выйти за рамки, намеченные им самим, но он недооценил социальные энергии, которые сам ненамеренно высвободил. Он пытался направить реформы (что бы это слово ни означало) по определенному руслу (вначале это по-видимому была некая его собственная концепция демократии), но не смог удержать разгулявшиеся волны. Как и многие известные в истории реформаторы, он пал жертвой своего реформаторского пыла, разрушив то, что по его собственному разумению следовало усовершенствовать и упрочить.

Что сделала Польша?

Пожалуй, ничто не вызывало столько издевок и насмешек у польских писателей и мыслителей двадцатого века, как идея польского мессианства. Возникшая в поэзии и философии после разгрома антироссийского восстания 1830 г., она изображала Польшу как «Христа среди наций», чьи страдания искупят грехи человечества. В этой смешной фантазии была изрядная доля самооправдания и самолюбования, но если взглянуть на нее чуть более пристально, в ней можно обнаружить и крупинцы истины. Польша была первой страной, которая вскоре после революции нанесла поражение Красной армии, оградив тем самым Европу от коммунистического нашествия и подтвердив в определенном смысле идею Гегеля, что в каждой исторической форме с самого начала можно усмотреть в зародыше то явление, которое в конечном счете ее разрушит. Польша, единственная из всех стран, испытала втор-

жение соединенных армий Гитлера и Сталина. Это вторжение развязало Вторую мировую войну. Она была первой страной, вступившей в бой с Третьим Рейхом, и одной из двух стран (наряду с Югославией), которые, уже будучи оккупированы, продолжали бороться с оружием в руках против немецких завоевателей. Когда война закончилась и был введен коммунистический режим, Польша стала первой страной, где возникло идеологически окрашенное критическое движение, которое в 1956 г. привело к смене руководства и назначению нового лидера компартии вопреки воле и желаниям Кремля. (Впрочем, иллюзии, созданные этой победой, очень быстро рассеялись.) Она была первой страной, где коммунистическая идеология умерла полностью и бесповоротно. И первой страной, где возникло массовое гражданское движение «Солидарность», которое в 1980 г. охватило всю страну, как пожар, и едва не разрушило коммунистическую государственную машину. Польша была первой (и единственной) страной, где в 1981 г., когда стало очевидно, что компартия стоит на краю гибели, была введена военная диктатура. Однако, несмотря на репрессии, демократическое оппозиционное движение выжило и было готово дальше бороться с режимом. Польша была единственной страной, где коммунистические власти вынуждены были организовать референдум, проиграли его и — чудо из чудес — заявили об этом во всеуслышание. Она была первой страной, заставившей коммунистических правителей устроить почти свободные выборы, результаты которых оказались настолько красноречивы, что партия прекратила свое существование и было сформировано первое за всю историю коммунистических стран некоммунистическое правительство. Однако, справедливости ради, надо сказать, что после этих первых побед движение несколько замедлилось и вперед вышли другие страны. А в Польше первые по-настоящему свободные выборы состоялись лишь в октябре 1991 г.

Мессия? Возможно. Это, конечно, не означает, что история Польши до или после войны была непрерывной демонстрацией самоотверженной добродетели. Когда бы так! И все же нельзя не признать, что в процессе медленного развала советской системы она выступала в роли первопроходца.

Национализм, коммунизм и левые

Национальные страсти бушуют в посткоммунистической Европе. Это было предсказуемо, предсказано, и все с тревогой этого ждали. Сегодня часто можно услышать, что националистические идеологии заполнили «вакуум», оставленный идеями коммунизма;

что они были «заморожены» в течение десятилетий, а теперь, в пору политических сдвигов, оттаяли. В реальности все обстоит не так просто. Дело в том, что никакого идеологического «вакуума», внезапно образовавшегося в момент падения режима, не было: коммунистическая идеология задолго до этого потеряла жизнеспособность. И националистические устремления тоже в общем-то не были «заморожены»: они прокладывали себе дорогу в течение долгого времени, параллельно с ослаблением тоталитарной машины. Процесс этот начался более чем за тридцать лет до славного 1989 г. То, что случилось в тот год, памятный для многих коммунистических стран, не было похоже на взрыв прочного здания. Скорее это напоминало появление на свет цыпленка, вылупившегося из яйца, внутри которого он уже какое-то время развивался. То есть это событие, хотя оно и стало важной вехой на пути к вероятному новому будущему, было не столь катастрофичным и не таким шумным, как взрыв. И все же цыпленок вначале был очень слаб.

Коммунизм как доктрина был предвкушением мира, в котором все опосредующие звенья между индивидом и видом в целом (нация в том числе) станут ненужными и исчезнут. Считалось, что космополитизм капитала и интернационализм рабочего класса подготовят почву для отмирания наций, являющихся историческим анахронизмом. Однако ленинское движение, принимая в общем эту философию, поддерживало также антимарксистскую идею самоопределения наций, используя ее как тактическое оружие, могущее служить (и послужившее) целям разрушения царской империи и всего европейского порядка, сложившегося за сто лет до этого в результате Венских соглашений.

Придя к власти, коммунисты попытались искоренить все, что составляло реальность нации и могло служить фокусом для проявления национальной лояльности (люди должны были вести себя лояльно только по отношению к советскому государству и партии). Вместе с тем, от самого начала и почти до конца коммунистическая партия поддерживала во всем мире националистические движения, используя их для подрывной деятельности против враждебных «капиталистически» держав. Эта политика, основанием для которой служила ленинская теория империализма, вскоре стала неотличимой от дореволюционной политики царской империи. В самом советском государстве национализм как идеология и как выражение национальных чувств в принципе был под запретом, однако русский национализм (но, конечно, не украинский и не грузинский) в 1930-е гг. был под сурдинку введен в обращение, затем его всячески стимулировали во время войны и позднее, в том числе и в постсталинскую эпоху. Власти поощряли русский национализм в целом, со всеми привходящими моментами, включая анти-

семитизм и расизм антимонголоидной направленности. В странах «социалистического лагеря», по мере разложения коммунистической идеологии, правящие партии были вынуждены для обоснования своей легитимности все чаще обращаться к националистическим лозунгам. Они совершали невероятные усилия, чтобы предстать в глазах подданных продолжателями лучших национальных традиций. Патриотическая лексика все больше входила в плоть официального языка. В общем, противоречие между образами коммунизма как прекрасного здания, возведенного посреди культурной пустыни, и коммунизма как воплощения всего лучшего, что есть в национальной традиции, бросалось в глаза почти с самого начала.

В Польше это было, пожалуй, более наглядно, чем где бы то ни было. Существовали, конечно, рамки дозволенного. Но обычно государство поощряло того, кто начинал бить в барабан национальной гигантомании. В зависимости от политической конъюнктуры антинемецкие и антисемитские настроения в обществе иногда подпитывались, иногда приглушались. Строжайше запрещено было касаться лишь одного вопроса: национальной независимости. Люди, считавшиеся пламенными патриотами, были не вправе даже упоминать о суверенности собственного государства.

Короче говоря, национализм отнюдь не выскочил из морозильной камеры. Он просто получил возможность более свободного развития. Племенные и национальные чувства, верность своему роду всегда были естественной частью человеческой жизни. «Род», «племя», «нация» — понятия, соразмерные опыту; «человечество» — нет. Солидарность, обусловленная общностью культурной, исторической и языковой ниши, — это то, в чем люди нуждаются, и бессмысленно ее осуждать или запрещать. Почему мы должны требовать от людей абсолютного космополитизма? Разве можно ожидать, что для француза будет все равно, происходит что-либо во Франции или в Гватемале? Споры нет, национальные чувства таят в себе и нешуточные опасности. В неблагоприятных условиях они рожают ненависть, воинствующий шовинизм. Однако это происходит не всегда и не всюду. Страстная любовь порой приводит к убийству, но было бы ошибкой утверждать, что любовь по природе своей убийственна. Несложно отличить патриотов от шовинистов. В любой европейской нации найдутся и те, и другие. Межнациональная вражда, как правило, возникает в связи с территориями и меньшинствами. За много столетий европейской истории народы причудливо перемешались по всему континенту, так что ясных этнических границ здесь сегодня не существует. Есть немало языковых островов и архипелагов. Возникающие в этих условиях ненависть и взаимное недоверие вряд ли исчезнут в ближайшем будущем. И во многих частях Западной Европы, совершенно независимо от событий, происходящих на Восто-

ке, сейчас набирают силу расистские и шовинистические движения. Похоже, что в период объединения Европы идея национального государства стала особенно популярной.

Приведут ли похороны коммунизма в Европе к серьезным изменениям в расстановке политических сил на Западе, в частности, в положении левых (если этот термин еще что-нибудь означает)? Вряд ли. Социал-демократические партии, не запятнавшие себя симпатиями к тоталитаризму, смогут продолжать действовать в соответствии со своими программами, — как бы эти программы ни оценивать, — не слишком печалась о гибели ленинизма, хотя их левое крыло может потерять силу. Что касается западных коммунистических партий московского исповедания, то большинство из них успели вовремя сменить вывеску и идеологию, а остальные благополучно исчезли. Конечно, социал-демократические бабочки, вылупившиеся из уродливых коммунистических куколок, вызывают подозрения. Но, лишившись идеологического оружия, они уже не смогут стать тем, чем были прежде. Итальянская компартия, слишком долго не желавшая расставаться с серпом и молотом, будет, по-видимому, бороться за то, чтобы из рядов защитников тирании ее перевели в ряды «демократов». Скорее всего, она ослабнет, но выживет, воюя за место под солнцем с социал-демократами.

Иначе обстоит дело с другой важной компартией — французской. Ее негибемый сталинизм до недавнего времени опирался на надежный и хорошо продуманный план. Эти люди были коммунистами не потому, что надеялись, что какие-то политические обстоятельства позволят им получить еще раз две незначительные должности в социалистическом правительстве. Нет, они рассчитывали получить полную и абсолютную власть. Для этого существовала только одна возможность: если бы Красная армия оккупировала Францию, местные коммунисты стали бы верными сатрапами Москвы. При таком сценарии численность партии не имеет большого значения. Важна лишь дисциплина и готовность подчиняться приказам. Всегда найдется достаточное число людей, чтобы управлять концентрационными лагерями и организовывать беспорядочное распределение талонов на хлеб. Но теперь мечта о советской оккупации уже не сможет осуществиться. И если лидер коммунистов Марше вдруг объявит, что он стал демократом и решил реформировать свою партию, это будет по-настоящему опасный ход, так как Франция просто умрет со смеху. Тем не менее партия может еще какое-то время вести призрачное существование, соревнуясь с Национальным Фронтом и пробавляясь спекуляцией на антиевропейских настроениях и декламацией ежегодных отчетов по безработице.

Что касается различных левацких сект троцкистской и маоистской ориентации, они вполне могут выжить, потому что, не в пример сталинистским партиям, они всегда отличались полным и счастливым безразличием к реальности. Несмотря на свои заявления об идеологической независимости от Советов, они жили под зонтиком советского «социализма». И теперь, когда тирании рухнули, повсюду можно слышать их трогательные рыдания. Они могут выжить (кроме, пожалуй, откровенно террористических организаций, которые прямо или косвенно поддерживал КГБ), ибо, подобно адвентистам и тем, кто ожидает тысячелетнего царства, они приняли добровольное решение всегда оставаться в неизменяемой реальности прошлого. Они могут существовать столетиями, считая друг друга агентами империализма, научно предсказывая из года в год приближение мирового кризиса капитализма, в результате которого «массы» передадут им диктаторские полномочия, вполне заслуженные, если учесть правильность их научных теорий. Один друг рассказывал мне, что когда-то давно в Америке он встретил царицу Византии, считавшую себя законным монархом. Пять столетий ничего не значат для династической легитимности, так как язычники разрушили империю незаконно. В принципе, ничто не может помешать законным наследникам Ленина и Троцкого заявить о своих правах еще пятьсот лет спустя.

Из этого вовсе не следует, что политические институты и партии Западной Европы останутся в своем нынешнем виде навсегда. Они могут исчезнуть уже в следующее десятилетие, уступив место новым, если произойдут существенные сдвиги приоритетов общественной жизни. И вовсе не закат коммунизма заставляет говорить о возможности такого перераспределения политических сил. Победа демократии отнюдь не является бесповоротной. Кроме коммунизма, существуют и другие формы тирании.

В поисках блистательного прошлого

Все народы, которые сейчас пытаются строить на обломках коммунизма нечто новое, ищут подтверждения своей святой невинности. Люди хотят выглядеть героями сопротивления и с негодованием отыскивают подлинных коммунистических преступников. Иногда складывается впечатление, что во времена коммунизма население состояло из кучки подлых предателей и массы отважных и благородных повстанцев. В действительности все было совсем не так. Конечно, были при старом режиме настоящие убийцы и палачи, люди, которые отдавали и выполняли самые гнусные приказы, — головорезы из тайной полиции, надменные и самоуверенные пар-

тайные аппаратчики, убежденные, что их власти не будет конца. Они заслуживают презрения, а некоторые — и наказания. Но простая истина заключается в том, что в большинстве стран (Польша конца 1970-х и 1980-х гг. вновь является исключением) в антитоталитарном оппозиционном движении участвовало абсолютное, почти незаметное меньшинство населения. Эти люди спасли душу своей нации. Остальные еще недавно, завидев их, переходили на другую сторону улицы. Большинство людей стремились выжить, приспособившись к «системе», казавшейся чрезвычайно прочной, и не из приверженности к идеям коммунизма, а попросту из желания жить спокойно. Оппозиционное движение стало массовым, когда уже всем (кроме, может быть, некоторых американских советологов) стало ясно, что тигр при смерти.

Были и те, кто верил в светлые идеалы коммунизма (их было все меньше и меньше), и те, кто потерял надежду и относился ко всему с безразличием. Тоталитаризм никогда не был удовлетворен просто отсутствием оппозиции: он всех пытался заставить себе служить. И в значительной степени ему это удавалось: подавляющее большинство людей голосовали на бутафорских выборах, чтобы избежать неприятных последствий, как правило, не таких уж и страшных; ходили на обязательные демонстрации по случаю политических праздников. Было очень легко вербовать тайных осведомителей: многие соглашались быть доносчиками ради ничтожных привилегий, другие уступали самому незначительному давлению. Считалось нормальным в любом деле искать поддержки партийных функционеров. Никогда не возникало проблем, если надо было найти беспартийных, чтобы они заседали в «парламенте» или в любом другом декоративном органе, не имевшем никакой власти, созданном лишь для прославления власти имущих. Были, конечно, различия между странами и между этапами развития (и упадка) режимов. Чтобы воссоздать правдивую и точную картину жизни этого периода, историкам придется работать в течение нескольких поколений. Но популярный образ этой эпохи будет, как обычно, чистым плодом воображения, сертификатом национальной невинности. Можно предполагать, что со временем появится и нечто вроде немецкого Historikerstreit, прежде всего в России.

Непросто убедить себя, что коммунистические десятилетия были своего рода неестественной дырой в историческом процессе, безвременьем, нарушением непрерывности, пустой тратой жизни. Но не менее трудно и неприятно считать коммунизм непрерывным продолжением национальной истории, потому что в таком случае нация в целом должна нести груз ответственности. Есть такая вещь, как чувство национальной вины. Если бы ее не было, люди бы не старались обелить свою нацию, оправдать ее за те преступ-

ления, в которых они сами не принимали участия. Разве могла кучка кровожадных психопатов под руководством Ленина и Сталина изнасиловать половину Европы и половину Азии? Так не бывает, хотя приятно считать, что дело было именно так, и жить с сознанием невинной жертвы насилия.

И так как коммунизм был ужасен (а он действительно был ужасен), принято будет думать, что до его наступления, в частности в царской России, жизнь была чем-то вроде веселого праздника. В обоих случаях это восприятие истории имеет мало отношения к реальности. Но нет смысла судить его слишком строго. Самообман — необходимая часть жизни как индивида, так и нации. Он служит для всех нас моральной защитой.

Перевод М. Б. Гнедовского